

УДК 94(575.2):303.425.5

**ИЗУЧЕНИЕ КЫРГЫЗСТАНА И КЫРГЫЗОВ
ФРАНЦУЗСКИМИ УЧЕНЫМИ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

И.Ю. Бартенева

Раскрываются различные аспекты научно-исследовательской деятельности французских ученых и путешественников в Центральной Азии в XIX в., затрагивающие территорию Кыргызстана и кыргызов.

Ключевые слова: экспедиция; научно-исследовательская деятельность; Центральная Азия; французские ученые и путешественники.

**THE STUDY OF KYRGYZSTAN AND THE KYRGYZ
OF THE FRENCH SCIENTISTS IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES**

I.Yu. Barteneva

It deals with various aspects of the research activities of French scientists and travelers in Central Asia in the XIX century, especially affecting the territory of Kyrgyzstan and Kyrgyz.

Key words: expedition; research activities; Central Asia; the French scientists and travelers.

Центральная Азия – это регион, который издавна манил своей загадочностью и таинственностью, будоражил умы путешественников. Помимо этого данный регион в силу геополитического противостояния сделался в XIX в. камнем преткновения между Великобританией и Россией в борьбе за сферы влияния. Поэтому исследования здесь носили двойственный характер: с одной стороны – научный, а с другой – разведывательно-дипломатический.

Качественно новый этап в научных исследованиях Центральной Азии наступает в 50–60-х гг. XIX в., в эпоху развитого промышленного капитализма, когда между ведущими мировыми державами разворачивается острая борьба за территориальный и экономический передел мира. В связи с этим активизируется научно-исследовательская деятельность, так как перед тем как захватить ту или иную территорию, было необходимо ее изучить.

Далеко не все иностранные путешественники оставили заметный след в истории исследования края. Поездки многих из них ограничивались только трассами основных дорог (по территории Кыргызстана это – Ферганская, Чуйская, частично Алайская долины). Большинство работ зарубежных авторов, касающихся природы Тянь-Шаня, истории, этнографии и социально-эконо-

мических аспектов развития местных народов, носили преимущественно информативный, поверхностный характер.

В то же время отдельные иностранные ученые сделали ценные наблюдения, представили новые данные и высказали оригинальные идеи по вопросам земледелия Тянь-Шаня и Памиро-Алая. По геологии, геоморфологии и палеогеографии это – английский ученый Ф. Столичка (1874), немцы М. Фридрихсен (1902), Г. Мерцбахер и Г. Кейдель (1902–1903), американцы В.М. Дэвис и Э. Хантингтон (1903), венгр Д. Принц (1906, 1909), австриец Ф. Махачек (1911); по гидрометеорологическим условиям и современному оледенению – швед С. Гедин (1890, 1893), финн О. Доннер (1898), австрийцы Р. Клебельсберг и Г. Фикер (1913); по другим природным условиям региона – француз Г. Капю (1881, 1887), Алмаши, Мерцбахер и др.; по антропологии и этнографии кыргызов – французский ученый, венгр по происхождению К. Уйфальви [1, с. 13]. Высказанные им идеи о генезисе и возрасте древних поверхностей выравнивания – сыртов, многогранности проявления четвертичного оледенения, связи генезиса речных террас с циклами эрозии и эволюцией четвертичного оледенения имели существенное значение при дальнейшей разработке теоретических вопро-

сов геоморфологии и палеогеографии Тянь-Шаня и Памиро-Алая [1, с. 13–14].

Возвращаясь к изучению вклада французских исследователей, надо отметить, что в 1833 г. известный географ Г.-Ю. Клапрот создал карту Центральной Азии, которая считалась лучшей в то время, хотя в ней были допущены серьезные ошибки. Кроме того, он считал енисейских кыргызов предками казахов [2, с. 13].

Активное продвижение в регион России, начавшееся в 50-х гг. XIX в., вызвало большой интерес у западных, в том числе и французских ученых. Выходят книги Сабира “Семиречье и Заикийский край” (1861), Лежана “Россия и Англия в Средней Азии”, Жирара де Риалля “Мемуар о Средней Азии” (1874), Вейля “Русская кампания в Кокандском ханстве” (1876), Пакье “Памир” (1881), Уйфальфи “Заметки о Фергане” (1877), “Научная экскурсия в Фергану” (1878), “Научная французская экспедиция в Россию”, т. 2 (1878–1879), Эмбо-Юара “Сборник подорожных и путешествий по Средней Азии”, (2 тома, 1882), Бонвало и Капю “Путешествие по Средней Азии” (2 тома, 1882), “В Средней Азии” (1884). А. Могера “По Средней Азии” (1883) и др. [3, с. 40–41].

Однако в советской историографии укоренился негативный взгляд на деятельность иностранных путешественников, в том числе и французских: “Это были исследования недостаточно глубокие, и материалы, собранные этими экспедициями, по своей полноте и ценности не могут идти в сравнение с материалами, собранными русскими исследователями [4, с. 37].

В 1860-х гг. этнограф А. Жоне-Спонвиль изучал быт казахов и кыргызов [5, с. 26].

В 1877 г. французский путешественник К. Уйфальви преодолел в пределах Семиречья длинный маршрут, собрав значительный научный материал. В июле-сентябре он проехал по территории Кыргызстана с целью изучения этнического состава населения Ферганской долины. Он выделил “восемь основных этнических групп, в том числе: узбеков, кара-калпаков, кипчаков, курама, кашгарцев и киргизов” [6]. Значение труда Уйфальви заключалось в том, что “он давал зарубежному читателю обширный и достоверный материал о быте, культуре и жизни народов Туркестана, его истории и природных ресурсах” [6]. К важным результатам путешествия относится также описание археологических предметов на Иссык-Куле [7, с. 110] и записи песен народов Центральной Азии [8, с. 47]. Помимо этого он описал охоту среди казахов и кыргызов (оружие, лошади, собаки, употребляемые на охоте) [9, с. 327–328]. Тем не менее, В.Н. Шнитников так оценивал его труды: “Сведения, собранные автора-

ми этого роскошно изданного сочинения (“Научная экспедиция” в шести томах – *И.Б.*), имеют весьма сомнительную научную ценность” [10, с. 10].

В 1880 г. на П.-Г. Бонвало и ботаника Г. Капю французским министерством просвещения было возложено геоботаническое изучение Средней Азии. За полтора года они “основательно исследовали западные отроги Тянь-Шаня и верховья Зеравшана, собрав обширные коллекции” [11, с. 95]. В 1882 г. в газете “Кавказ” появилось их весьма интересное описание музыкальной стороны жизни кыргызов на Чаткале [8, с. 45]. Также Бонвало писал: “Мы наблюдали дружеские отношения между местным населением и прибывшими сюда переселенцами, как мусульмане и русские, собравшись вместе, празднуют свои семейные праздники, как их дети играют между собой” [12, с. 9]. Также представляется любопытным описание Пишпека того времени: “Это селение, в котором несколько лет назад было всего три-четыре русских двора, теперь стало уездным центром. Рождающийся городок с широкими улицами, с удивительно быстро растущими на них тенистыми вязами и мощными тополями, имеет весьма привлекательный вид” [13, с. 59].

Как видно из вышеизложенного, активизация исследовательской деятельности французских путешественников и ученых начинается с 70-х гг. XIX в., что объясняется во многом военно-политическим фактором. Поражение Франции в Франко-прусской войне (1870–1871) показало, что единственным союзником против Германской империи может быть только Россия. В результате началось сближение двух стран, в том числе и в научно-исследовательской деятельности.

Так, в 1882 г. известный французский писатель, член Французской Академии Э.М. де Вогюэ посетил открытые Самаркандского участка железной дороги и опубликовал свои впечатления от посещения региона в очерке “От Каспия до Самарканда”, в котором он восхищался уважительным отношением русских солдат к местному населению. В этом, считает он, проявилось “таинственное могущество России”, которое писатель противопоставил французской колониальной политике. В целом же Вогюэ высоко оценивал прогрессивную роль России в Центральной Азии [8, с. 49–50].

В 1884 г. в Париже выходит книга А. Гатериаса “По Средней Азии”, в которой приводятся данные о происхождении кара-кыргызов, при этом автор считает, что они переселились в начале XVIII в. с Енисея на Тянь-Шань. В 1885 г. через Семиречье прошла французская экспедиция доктора Шафаньона из Китая мимо оз. Иссык-Куль, перевала Шаты на Верный, в состав которой входили еще ботаник Ге и зоолог Монжени [10, с. 14].

В 1887 г. состоялась наиболее продуктивная из всех французских экспедиций в Центральную Азию в XIX в. в составе Бонвало, Капю и Пепена. Как утверждал Бонвало, основная цель экспедиции состояла в том, “чтобы внимательно изучить природную среду и людей, проникнуть в прошлое Азии и осветить, насколько это возможно, ее историю посредством географии” [12, с. 9]. Но, как нам представляется, существовала и еще одна цель: “В связи с обострением англо-французского соперничества Азии ему хотелось из первых рук получить достоверную информацию о политическом положении в странах этого региона и об отношении их народов к захватническим устремлениям Англии” [11, с. 95]. Весной этого года они прошли через Ош, Гульчу и Янга-арык, где обнаружили развалины небольшого укрепления, возведенного Абдул-ханом в 1876 г. против войск Скобелева [14, с. 139]. Во время перехода по Алайской долине ученые отмечали, что на высокогорье “киргизы и путешественники-ученые страдают от острого конъюнктивита, слепнут” [14, с. 182].

Значительный интерес представляют описания быта памирских киргизов, способов ведения ими кочевого скотоводства. Так, в текстах сообщалось о том, что летом на Памире проживают несколько тысяч киргизов, а зимой 200–250 человек из-за очень тяжелых климатических условий [15, с. 534]. Самыми многочисленными из четырех киргизских родов на Памире являлись теиты, родственные алайским киргизам [15, с. 534]. Важное значение имеет описание Г. Капю антропологического типа памирских киргизов: “Мне не довелось видеть среди них брюнетов, все они были русыми, шатенами и рыжеватыми с небольшими серовато-темными (или с темными крапинками) глазами” [15, с. 535]. Данное наблюдение говорит о том, что в условиях замкнутого ареала проживания идет постепенное посветление, так как происходит замена доминирующих признаков рецессивными. “Из домашних животных памирцы разводят (в порядке значимости): яков, или кутуасов, коз, овец, лошадей, верблюдов” [15, с. 535], “вместо свежего мяса они чаще довольствуются мясом падших животных. Его нехватку они отчасти возмещают добычей архаров или козерогов. Рыбой они, однако, пренебрегают, хотя она в достатке водится в Аксу и Мургабе” [15, с. 537].

Как и все кочевники Центральной Азии памирские киргизы до прихода русских не делали запасов кормов для скота на зиму, хотя “почти каждые два-три года эпидемии опустошают их стада, усеивая тогда окрестности их зимовий трупами павших животных” [15, с. 539]. В связи с этим

появляются многочисленные эпидемические заболевания, этому способствует и то, что “обитатели Памира не имеют даже привычки совершать регулярные омовения лица и рук. Носимая ими одежда сохраняется ими на теле до крайнего износа, а их жилище, находящееся обычно посреди навоза домашнего скота, во время эпидемий нередко оказывается в окружении многочисленных трупов павших животных” [15, с. 536]. Исходя из всего этого, Г. Капю делает вывод: “И не удивительно, что в столь ненадежных и скудных условиях существования памирские киргизы склонны к грабежу, мошенничеству и обману, стремясь поживиться, когда представится случай, за счет нуждающихся в них иноземцах” [15, с. 540].

Авторы также упоминают о том, что киргизами управляют “маловлиятельные бии”, в отличие от тьянь-шаньских киргизов, у которых бии по мере укрепления власти над соплеменниками уже в 40-х гг. XIX в. превратились в деспотов-мананов. Все это говорит о том, что в тяжелых природно-климатических условиях социально-экономическое развитие памирских киргизов сильно задерживалось, даже по сравнению с тьянь-шаньскими сородичами.

Подводя итоги экспедиции надо отметить, что французские исследователи первыми прошли по зимнему Памиру с севера на юг [14, с. 232]. Научные результаты данного похода можно охарактеризовать следующим образом: “Почти за два месяца регулярных метеорологических наблюдений и изучения влияния высокогорья на человека они собрали ценный научный материал, который был ими обобщен и почти сразу же опубликован во французской научной периодике” [11, с. 102]. Другая не менее важная заслуга Бонвало и Капю заключается в том, что они открыли для всего мира алайских и памирских киргизов, внося “серьезные поправки в представления о киргизах, которых до этого все рассматривали как “диких азиатов” [11, с. 102].

В 1888 г. на Памире побывал Дувэрнэ, а в 1889 г. Бретейль и Рихард [16, с. 23]. В этом же году через Семиреченскую область прошла французская тибетская экспедиция принца Генриха Орлеанского и Бонвало [10, с. 13]. В 1890 г. вышла статья этнографа В. Дингельштедта, который изучал казахов и киргизов [17, с. 150–153].

В 1891–1894 гг. был подписан ряд соглашений между Россией и Францией, завершившихся заключением оборонительного союза против Германии. Благодаря этому значительно увеличились французские инвестиции в российскую экономику. Соответственно, вырос интерес и к разработке полезных ископаемых, в том числе и в Центральной

Азии. Поэтому в экспедициях французских ученых стал более рельефнее проявляться экономический интерес, что опять же вызвало неодобрение советских историков: “Их интересовали главным образом не история и быт народа, а состояние экономики, перспективы и изученность отдельных ископаемых” [3, с. 71].

В 1897 г на оз. Иссык-Куль занимался исследованиями Сент-Ив, результаты которых известный советский ученый Л.С. Берг охарактеризовал следующим образом: “Кроме весьма неточных температурных определений, он не сообщает ничего нового” [18, с. 85]. В 1899 г. Сент-Ив вновь посетил Кыргызстан, проведя исследования в Пржевальском уезде, а затем прошел Нарын и через перевал Ясы – в Ферганскую долину. Оценивая результаты этой экспедиции, другой известный ученый В.Н. Шнитников был несколько благосклоннее, чем Л.С. Берг, дав следующую характеристику: “Результатом экспедиции явилась недурное описание Тянь-Шаня, впрочем, не содержащее самостоятельных научных данных” [10, с. 15].

На рубеже XIX–XX вв. французский геолог Леват сделал обзор полезных ископаемых Туркестана и в 1903 г. издал геологическую карту Ферганской долины и Восточной Бухары, но, по мнению советских ученых, она явно уступает российским образцам: “Упомянутая карта охватывает только те месторождения, которые интересовали деловые круги Парижа. Это и понятно. Леват смотрел на Туркестан совсем другими глазами, чем русские инженеры-геологи, его привлекали главным образом нефтяные, каменноугольные, медные рудники Средней Азии” [19, с. 51]. Стараясь всячески принизить научно-исследовательскую деятельность в Центральной Азии иностранцев, С. Аттокуров отходит, что называется от “генеральной линии партии”, так как одной из главных причин присоединения Средней Азии к России еще со времени В.И. Ленина считалась возможность эксплуатации природных богатств этого края. Следовательно, по мнению С. Аттокурова, российские инженеры-геологи не занимались своей профессиональной деятельностью, а собирали гербарии и изучали этнографические особенности местных народов, что, безусловно, не соответствует действительности.

Также отметим, что в 1906–1907 гг. известный ориенталист П. Пельо совершил научно-исследовательскую экспедицию в Восточный Туркестан [5, с. 53].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, иностранные путешественники и ученые, в том числе и французские, внес-

ли определенный вклад в разностороннее изучение природы и народов Центральной Азии, при этом представляется некорректным сравнивать их результаты с достижениями российских ученых, так как у последних были несравненно более значительные возможности в силу принадлежности обследуемых территорий России. Во-вторых, сравнивая научную деятельность французских исследователей с британскими, необходимо обратить внимание на тот факт, что более многочисленные англичане, в отличие от французов, как правило, занимались еще и разведывательной деятельностью, направленной на выявление проблемных точек российской управленческой структуры на присоединенных территориях, и, следовательно, научные результаты французских исследователей, зачастую, более репрезентативны, чем английские. В-третьих, установившуюся с советских времен “традицию” чрезмерно критического отношения к научным исследованиям иностранцев в Центральной Азии необходимо пересмотреть с учетом новых достижений исторической науки.

Литература

1. Умурзаков С. С четырех сторон горизонта: очерки по истории географических исследований Киргизии / С. Умурзаков. Фрунзе, 1983.
2. История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. 7. Французские исследователи в Казахстане / пер. с фр. О.В. Рублевой / сост. И.В. Ерофеева. Алматы, 2006.
3. Вайнштейн О.Л. Иностранцы путешественники о Киргизии 60–70 гг. XIX в. / О.Л. Вайнштейн // Ученые записки исторического факультета КГУ. Вып. 5. Фрунзе, 1958.
4. Выходцев И.В. Ботаническая наука в Киргизии / И.В. Выходцев // Наука в Киргизии за 20 лет: 1926–1946. Фрунзе, 1946.
5. Лаумулин М.Т. Зарубежные исследователи Средней Азии и Казахстана: библиографический указатель / М.Т. Лаумулин, Т.К. Бейсембиев. Алматы, 1994.
6. Строилов Л. По следам одного путешествия / Л. Строилов // Вечерний Фрунзе. 1982. 3 сентября.
7. Заднепровский Ю.А. Археологическое изучение котловины Иссык-Куля и значение исследования П.П. Иванова / Ю.А. Заднепровский // Труды института истории АН Киргизской ССР. Вып. 3. 1957.
8. Сатпаева Ш.К. Казахско-европейские литературные связи XIX и первой половины XX вв. / Ш.К. Сатпаева. Алма-Ата, 1972.
9. Уйфальви К. Охота в Средней Азии / К. Уйфальви // Природа и охота. Т. 2. 1878 (июнь).
10. Шнитников В.Н. История научного исследования Джетысу / В.Н. Шнитников // Джетысу (Се-

- миречье): естественно-научное описание края. Ташкент, 1925.
11. *Строилов Л.* По следам забытых путешествий / Л. Строилов // Литературный Киргизстан. 1987. № 5.
 12. *Bonvalot G.* Du Caucase aux Indes: A travers Pamir / G. Bonvalot. Paris, 1889.
 13. *Kapus G.* La musique chez les Kirghiz et les sartes de l'Asie central / G. Kapus // Revue d'Ethnographie. Paris. Vol. 3.
 14. *Капю Г.* Крыша мира (Памир) / Г. Капю. Париж, 1890; пер. Л.Ф. Строилова. Фрунзе, 1984.
 15. *Капю Г.* Памирские киргизы / Г. Капю. Лимож, 1890; пер. Л.Ф. Строилова. Фрунзе, 1984.
 16. *Дор Р.* Киргизы Афганского Памира / Р. Дор, К.М. Науманн. Грац, 1977; пер. Л.Ф. Строилова. Фрунзе, 1985.
 17. *Dingelstedt V.Z.* Kirghiz and Karakirghiz / V.Z. Dingelstedt // SGM. 1890. Vol. 6.
 18. *Берг Л.С.* Озеро Иссык-Куль // Избранные труды. Т. 3 / Л.С Берг. М., 1960.
 19. *Аттокуров С.* К истории геологического изучения Киргизии / С. Аттокуров // Труды КГУ. Серия исторических наук. Вып. 10. Фрунзе, 1967.